

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С.Л. РУБИНШТЕЙНА

РАННИЙ ПЕРИОД НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА С.Л. РУБИНШТЕЙНА
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ,
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)¹

© 2009 г. А. Н. Славская

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Института психологии РАН, Москва

В работе проанализирован ранний период (10–20 годы XX столетия) научной деятельности С.Л. Рубинштейна, связанный с его философско-психологическим самоопределением, раскрыта роль этого периода в развитии творчества ученого на последующих этапах и формировании его концепции в целом. Представлены результаты источниковедческой работы с ранними статьями и рукописями С.Л. Рубинштейна, определены даты их написания, осуществлен историко-теоретический и методологический анализ их содержания. Это позволило датировать начало научной деятельности С.Л. Рубинштейна на десятилетие раньше, чем было принято считать в отечественной историографии.

Ключевые слова: творческий путь ученого; онтологический, гносеологический, методологический анализ; субъект, личность, деятельность, развитие; научная школа, концепция; гуманитарное и естественнонаучное знание.

Имя Сергея Леонидовича Рубинштейна принадлежит к числу наиболее известных в отечественной психологической науке. Он может быть назван представителем гуманистической психологии и философии. Его фигура является в этом смысле уникальной, соединяя в своем лице философа и психолога. Именно это позволило ему решить задачу своей исторической эпохи – построения отечественной психологии на онтологической диалектической основе. С.Л. Рубинштейн впервые представил психологию как *систему*, основанную на принципе *единства сознания и деятельности*, позднее – на принципах *детерминизма, личности и субъекта*. В эту систему в обобщенном виде были включены конкретные исследования отечественной науки и ее достижения, критически переработанные концепции зарубежной психологии.

Труды С.Л. Рубинштейна, имея и историческое, и методолого-теоретическое значение, не только сохраняют свою актуальность, но открывают все новые и новые перспективы развития психологии. Содержащиеся в них идеи вошли в мировоззрение, исследовательскую методологию

психологии, ее *теорию и стратегию развития*. Его концепция продолжает разрабатываться созданной им школой и вне ее, а труды переведены на многие языки мира.

Однако объектом собственно *исторического* исследования концепция С.Л. Рубинштейна стала лишь в последнее время – преимущественно в период его 100-летнего юбилея. В настоящее время число этих историко-философских и историко-психологических исследований значительно возросло. Среди них, в первую очередь, могут быть названы работы А.В. Брушлинского, В.А. Кольцовой и развиваемого ею направления истории отечественной психологии [12, 13] и др. Значения этих работ – в раскрытии, прежде всего, роли научного наследия С.Л. Рубинштейна в развитии отечественной психологии в контексте мировой науки, а также методологической роли его философско-психологической концепции в прошлом, настоящем и будущем [1, 2, 6, 7, 11, 14].

В работах учеников С.Л. Рубинштейна – К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского, написанных к 100-летию юбилею ученого, проанализированы основные особенности его концепции и ее формирования в 20-е годы. В них было показано, что датировать начальный этап

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-06-00589а).

научной деятельности Рубинштейна нужно не 30-ми, а 20-ми годами. Данное утверждение опиралось и подтверждалось изученными нами ранее архивными материалами [3, 5, 6, 14]. Однако этот первый период творчества Рубинштейна, относящийся к 10–20-м годам прошлого века, хотя и отражен в его опубликованных рукописных, машинописных работах и нескольких статьях 20-х гг., увидевших свет еще при жизни автора, пока мало исследован.

Какое историческое значение имеет изучение раннего периода творчества такого крупного ученого, как Рубинштейн? Датирование начала его научной деятельности десятилетием ранее, чем принято считать², позволяет раскрыть период его философско-психологического *самоопределения*, и позволяет понять, каким образом он сразу в начале 30-х гг. *вступает* в психологию как *зрелый ученый*. Решить задачу перестройки психологии на марксистской основе, поставленную отечественными психологами двадцатых годов, мог лишь ученый, не просто хорошо знакомый с психологией, но уже критически переработавший ее основные тупиковые и перспективные направления, наметивший *ключевые* для ее дальнейшего развития идеи. Этой характеристикой периода 10–20-х гг. как творческого *пролога* его научного пути, во-первых, устанавливается связь с двумя последующими этапами творчества Рубинштейна в качестве психолога, во-вторых, с последним периодом (50-е годы) в качестве психолога и философа. Научная биография С.Л. Рубинштейна и его работы начала века позволяют также понять, *как и почему*, будучи официально признанным психологом (то возвеличиваемым, то гонимым), Рубинштейн в конце жизни выступает как *философ*.

Данная статья имеет своей целью представить результаты *дальнейшего* изучения первого периода научного пути Рубинштейна и показать роль этого периода в творчестве ученого на последующих этапах, в разработке его концепции в целом.

Новизна исследования, проводимого автором с 80-х гг. [16, 17], заключается в том, что *впервые* осуществлена *источниковедческая* работа с ранними статьями и рукописями С.Л. Рубинштейна; предположительно *определены даты* написания, и их последовательность соотносительно с определенными биографическими событиями одесского периода жизни ученого; осуществлен исто-

рико-теоретический и методологический анализ их содержания.

Предметом данного исследования является одесский период жизни и творчества Рубинштейна (1910–1929 гг.).

Методами исследования научных материалов С.Л. Рубинштейна явились: (1) методологический подход, (2) понятийно-концептуальный анализ, (3) биографический метод, (4) биобиблиографический метод, (5) метод *реинтерпретации*, реконструкции (В.А. Кольцова; П. Рикёр).

В число обсуждаемых материалов входят две статьи, которые были опубликованы в 20-х годах, а также рукописи и статьи, не появившиеся в печати при жизни ученого³.

Направления исследований Рубинштейна в 10–20-х годах включают разработку проблем методологии, науковедения, философии, психологии и педагогики. Работы этого периода заняли важное место в его общей *концепции человека, личности*, ее воспитания и развития.

³ Мы установили следующую последовательность их написания:

1. “Философские рукописи (тетради)”, предположительно написанные в 1915–1916-х гг. Впервые выборочно опубликованы в 1989 г. в книге “Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы”. М., 1989. С. 19–27.
2. “Заметки по методологии истории и общественных наук”, предположительно написанные в 1915–1916 гг. Впервые опубликованы в 1989 г. [там же, с. 335–336].
3. “О философской системе г. Когена” (предположительно датируется 1917–1918 гг.). Статья впервые опубликована в монографии “С.Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Человек и мир”. М.–СПб., 2003. С. 428–451.
4. “Николай Николаевич Ланге” (“Народное просвещение”. № 10. 1922). Позднее опубликована в журнале “Вопросы психологии” (1979. № 5), а также в книге “С.Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Человек и мир”. М.–СПб., 2003. С. 452–456.
5. “Размышления о науке” (предположительно написана в начале 20-х гг.). Опубликована впервые в коллективной монографии “Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы”. М., 1989. С. 332–335.
6. “Наука и действительность” (датируется 1922-м г.). Впервые опубликована там же, с. 336–345.
7. “Программа по логике” (датируется 1922-м г.). Впервые опубликована там же, с. 344–345.
8. “Принцип творческой самостоятельности”. Опубликована в 1922 году (“Ученые записки Высшей школы г. Одессы” Одесса. Т. 2, с. 148–154) а также в журнале “Вопросы психологии” (1986. № 4. С. 101–107) и в книге “С.Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии”. М., 1997. С. 433–439.
9. “Психология Шпрангера как наука о духе” (датируется серединой или концом 20-х гг.). Впервые опубликована в коллективной монографии “С.Л. Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы”. М., 1989. С. 345–363.

² Начало творческого пути С.Л. Рубинштейна обычно связывается с его статьей “Проблемы психологии в трудах К. Маркса” (1934).

Первый ранний период творчества С.Л. Рубинштейна – в отличие от многих, не менее талантливых ученых, которые в своих начальных исканиях лишь интуитивно угадывали линии дальнейшего исследования, и только намечали направления будущего пути – характеризуется высочайшей степенью зрелости, концептуальной проработанностью всего разностороннего комплекса научных проблем. В 10–20-х годах XX века аккумулированы практически основные идеи его многогранной концепции.

Необычайно широк и *контекст*, относительно которого Рубинштейн разрабатывает свои основные идеи. Это и Марбургская неокантианская школа, анализируемая и критикуемая в определенной степени еще с гегелевских позиций, и первое осмысление политэкономической теории Маркса, и проблемы методологии *точных наук* – теории относительности Эйнштейна, евклидовой и неевклидовой геометрии – в их соотношении с гуманитарными, и одновременно с этим осмысление проблем отечественной и мировой психологии (Н.Н. Ланге; Э. Шпрангер; вюрцбургская школа; гештальтпсихология и др.). Самоопределение по отношению ко всем этим контекстам осуществляется на основе глубочайшего знания истории философии, истории культуры, а также всего цикла гуманитарных и точных наук (физики, химии, математики и т.д.). В творчестве раннего Рубинштейна представлен ряд *стержневых* идей.

Первый круг проблем – *методология науки* и одновременно, принципиальное философское и науковедческое различие познания и *науки* (как социально обусловленного познания и общения), выявление соотношения понятийно-логического и действительного, определение путей преодоления *эмпиризма* познания, способов развития и установления связей понятий и категорий. Это проблемы собственно *логики науки*, преодоление формализации логических законов путем установления конкретных сфер науки и задач исследования, в которых они действительно правомерны, являются необходимыми и достаточными и ведут к открытию, с одной стороны, новых содержательных научных проблем, а не оформлению готовых результатов, *логических формул* и потому их *неизменности* и безотносительности к познаваемому содержанию, с другой – ключевой проблемой этого направления становится анализ соотношения точных и гуманитарных наук *в контексте* осуществляемого марбургской неокантианской школой поиска их единого метода.

Эти идеи разрабатываются в критической статье о Г. Когене, а также в статьях: “Заметки по методологии истории и общественных наук”, “Размышления о науке”, “Наука и действительность”, из которых последняя представляет собой краткое содержание двух вариантов книги.

Второй круг проблем – изучение и анализ методологических проблем *отечественной* психологии (в трудах Н.Н. Ланге) и основных направлений *зарубежной* психологии, прежде всего, – гештальтпсихологии как философско-методологического поиска соотношения *целого и его составляющих*, способа их связей и приоритетности, в основном, в раскрытии тенденций развития западно-европейской психологии в концепции Э. Шпрангера и В. Дильтея и частично – российской в статье о Н.Н. Ланге.

Третий круг проблем составляет основную для всего периода 10–20-х гг. онтологическую, философско-антропологическую концепцию Человека и его Бытия – совершенно оригинальную, уже не основанную на гегелевской и еще безотносительную к марксовской. Эта концепция является кратким проспектом рукописи “Человек и мир” конца пятидесятых годов, вершины творчества Рубинштейна. Она представлена в еще не расшифрованных “Философских тетрадах” 15–16 гг. и является не только *методологическим основанием* всех последующих этапов творчества С.Л. Рубинштейна, но опережением развития отечественной философской мысли второй половины XX и начала XXI века. Поставленная в ней философская проблема Человека как *Субъекта* занимает, по праву, уникальное место в философско-психологическом мировоззрении и *методологии* мировой науки [1, 3, 11, 38]. Непосредственно к ней примыкает статья “Принцип творческой самостоятельности”, которая является *связующим звеном* между кругом философских и психологических идей Рубинштейна и содержит в себе ставшую ключевой для отечественной психологии XX века концепцию *взаимодействия субъекта, деятельности и действительности*, трактовку развития человека, личности в деятельности [3, 6, 38].

Четвертый круг проблем представлен в статьях о Г. Когене и Н.Н. Ланге, содержащих “портреты” этих столь разных во всех отношениях личностей – философа и психолога [26, 27]. В высшей степени целостным и обобщенным является представление совсем молодого Рубинштейна о судьбе ученого, его творчестве, роли Учителя как субъекта *передачи знаний и развития мышления* его продолжателей и соотношении творческих *деяний* с жизнью. Диалектика развития науки как

науки и философии человека конкретизируется анализом диалектики творца и его *деяний*, творца и его творчества, творца и его жизни.

Эти четыре основных круга проблем и соответствующих им направлений философско-психологических исследований Рубинштейна, внешне кажутся различными по своему *предмету*, тематике, а на самом деле пронизаны едиными идеями – философско-онтологической концепцией человека как *Субъекта* – творца, деятеля, субъекта подлинно этического отношения к другому человеку, а также методологии разных *наук*, выработки ими особых закрытых конструктивных систем как стратегии получения знания.

Ученики С.Л. Рубинштейна называют его концепцию философско-психологической [3, 8, 10]. Это *исторически важная* оценка, поскольку тридцатые-сороковые годы составляют *два* собственно *психологических* этапа творчества Рубинштейна, а уже в начале пятидесятых – он снова заявляет о себе как *философ*.

Его философское образование и первая работа – докторская диссертация (которая, к сожалению, остается “белым пятном” в изучении его творчества) позволяют утверждать, что он в самом начале своего научного пути сформировался как *философ*. И тот факт, что он стал преемником одного из виднейших русских психологов Н.Н. Ланге, а в начале 30-х гг. был официально приглашен М.Я. Басовым в Ленинград для заведования кафедрой психологии, позволяют объяснить его обращение к психологии не только этими фактами его биографии, но и логикой его научного творческого пути.

Как же *объединялись* в его концепции *философия* и *психология*, и в каком историческом контексте осуществлялось это объединение? По утверждениям его учеников, он был, прежде всего, *методологом* отечественной психологии, что подтверждается исследованием первого этапа его творчества, а на *втором* историческом этапе он решал задачу построения психологии как системы на диалектико-материалистической основе [29, 30]. Сегодня важно подчеркнуть, что это была задача *построения*, а не *перестройки* психологии и не столько на марксистской научной основе, а на более широкой диалектико-материалистической философской онтологической основе. Е.А. Будилова – его ученица, давая развернутую характеристику исторического периода советской психологии 20-х гг. и перечисляя всех психологов, которые выступили за построение марксистской психологии, утверждает, что ни реактология Корнилова, ни рефлексология Бехте-

рева, ни даже культурно-историческая концепция сознания Выготского не дали решения ключевой для методологии психологии проблемы *человеческой деятельности*. Она пишет: “Вне связи с поведенчеством, еще в начале 20-х гг. проблема деятельности была поставлена С.Л. Рубинштейном, выделившим принципиальную сторону марксистского понимания роли деятельности для развития человека” [8, с. 738–739].

Общепризнанно, что Рубинштейн решал задачу построения отечественной психологии на новой философско-методологической основе, прежде всего благодаря своему глубочайшему знанию мировой философии и психологии, диалектичности своего мышления. Внутренняя невозможность для других психологов выйти за пределы кризиса психологии была, по словам Л.С. Выготского, результатом неверных методологических позиций. “Очевидно, – писал Выготский, – круг этого кризиса очерчен таким образом, что он вытекает из самой природы того методологического основания, на котором развивается психология на Западе; поэтому внутри себя он не имеет разрешения” [9, с. 453]. Психологи, работавшие в те годы *внутри* отечественной психологии, не могли совершить синтеза на новой основе, поскольку каждый из них не мог подняться над своим *односторонним пониманием проблемы*. Поэтому попытки применить марксизм к психологии в большинстве случаев оборачивались его чисто внешним применением. С.Л. Рубинштейн, с одной стороны, прекрасно знал состояние психологического знания, с другой – в 20-е годы он находился вне “бурных” событий психологической науки. Рубинштейн после краткого периода заведования кафедрой психологии (после смерти Н.Н. Ланге) и чтения лекций по философии, истории философии, логике, психологии, а также теории относительности Эйнштейна был вынужден отказаться от блестящей карьеры психолога и философа и уйти на заведование Одесской публичной библиотекой (фактически в ее “подвалы”) для интенсивного продолжения своей научной работы [10].

Задача преодоления кризиса мировой и построения системы отечественной психологии было задачей, которая решалась Рубинштейном уже в начале 30-х гг. *Важнейшим этапом* философско-психологической *подготовки* к ее решению были 20-е гг. Без понимания *исторической роли* двадцатых годов творчества Рубинштейна невозможно понять, почему он, обратившись к психологии, *сразу* смог решить задачу такой сложности. От работ двадцатых годов протягивается *непрерывная логическая линия* ко всему

научному творчеству ученого, и, особенно, к его поздним философским работам.

Это доказывается анализом и сопоставлением всей *совокупности* работ периода 10–20-х гг., поскольку до сих пор они публиковались отрывочно, изолированно одна от другой и сопровождалась лишь небольшими комментариями [14, 25, 26].

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУК И НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В РАННИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА С.Л. РУБИНШТЕЙНА

В 1908 г. С.Л. Рубинштейн поступил в Марбургский университет, который закончил с отличием защитой докторской диссертации, посвященной проблеме метода в 1914 г. [49]. Вопрос о методе стоял в центре исследований марбургской школы. Стремясь восстановить учение Канта, она ставила в качестве основного вопрос о познании, его логике, методе. Проблемы методологии и логики выдвинули обе школы неокантианства – марбургская и баденская. Г. Коген – крупнейший представитель марбургской школы неокантианства решал вопрос о сходстве и различии гуманитарного и естественного знания, однако путем отрыва самого содержания от метода, путем его формализации.

Критика Рубинштейном марбургской школы пошла по двум направлениям: 1) осмысления роли субъекта познания, который элиминировался представителями неокантианства; 2) разработки методологии научного познания (восхождения от абстрактного к конкретному).

С.Л. Рубинштейн подвергает критическому анализу “позитивный” характер естественнонаучного знания, приходя к выводу, что естественнонаучный метод не применим к гуманитарному знанию. Критикуя абстрактность и субъективизм марбургского понимания метода гуманитарного знания, он уже тогда ставит вопрос о *типе детерминации* явлений, относящихся к сфере гуманитарного знания. Для раскрытия типа причинности гуманитарного знания, он использует не идею абстрактного целеполагания, а принцип субъекта. Рубинштейн в своих работах разработал концепцию субъекта через его проявление в деятельности. Он говорит именно о *субъектности*, а не о *субъективности* (курсив мой. – А.С.), которая должна, по его мнению, объяснять специфику гуманитарной методологии, связанной с *ценностным* характером гуманитарного знания.

Таким образом, основанием критики Рубинштейном идей марбургской школы явилась разработка принципа субъекта.

В русле *второго* направления осуществляется критика учения неокантианцев об “эстетическом социализме”, в основу которого заложен категорический императив Канта. В противоположность марксизму, социализм рассматривается как чисто нравственная программа, которую Рубинштейн подвергает развернутой критике.

Анализируя стремление представителей Марбургской школы восстановить кантовское учение о познании, Рубинштейн оценивает этот подход как проявление эмпиризма и сенсуализма, поскольку они признавали бытие только в пределах, обнаруживаемых на *первой* ступени познания – в ощущениях и восприятии. Часть работы посвящена критическому анализу метафизического “*псевдознания*”, основным принципом которого считается “рефлексия”, а основным методом – наблюдение. Рубинштейн доказывает научную несостоятельность такой трактовки с позиций диалектического понимания соотношения идеального и реального, субстанции и субъекта, сущего и содержания знания. Эта работа свидетельствует, что еще в период *освоения* идей Марбургской школы Рубинштейн уже воспринимал их критически с *собственных позиций* [19, 25].

Логическая последовательность цикла статей по *методологии наук и научного познания* открывается статьей “Наука и действительность” (к основам точного знания) с пометкой “8 авторских листов” [19, д. 2, 5] и представляет собой проспект *книги*, составленной уже после защиты докторской диссертации и возвращения в Одессу. Ее задачей Рубинштейн считает изложение структуры точного знания (математики и естествознания) и отношения его к действительности [20]. В *непосредственно примыкающих* к этой статье по содержанию работах (даже в небольших фрагментах) – “Заметки по методологии истории и общественных наук”, “Размышления о науке”, “Программа по логике” – он переходит от обсуждения чисто гносеологической проблемы к проблемам *научного познания*, соотношения типов знания в *разных науках, развития* наук и научных понятий. Этот круг проблем можно определить не столько как науковедческий, сколько как методологический, имея в виду *методологию* ряда наук как *способа научного познания*.

В первой же главе он ставит проблему *объективности* научного познания “в отличие от субъективности нашего знания”, которая обеспечивается, как он это доказывает, *методологически*. Он

пишет, что наука – это система, каждый элемент которой определяется своим отношением с другими ее элементами. И именно определение элементов их отношением друг к другу является выражением *конструктивности* самого содержания знания. Надо менять само содержание, как делал Эйнштейн, меняя сами законы, а не как Мах, который изменял только существующую на них точку зрения [20].

Здесь Рубинштейн уже обращается к понятию системы, которое в качестве центрального много позднее было разработано Б.Ф. Ломовым в его *системном подходе*. При этом существенно не то, что понятие системы исторически возникло раньше системного подхода, а то, что именно его привлечение обеспечило постановку и наметило новый способ решения самой сущности проблемы методологии науки.

Важно подчеркнуть, что, обращаясь к понятиям системы и отношений, много позднее в “Бытии и сознании” (1957) [31] для определения качества психического в системах *разных отношений*, и еще позднее – в “Человеке и мире” (1973) [35], Рубинштейн, анализируя систему отношений человека – к миру, к другому человеку, к самому себе, использует категорию системы и понятие отношений *совершенно иным образом*, чем в этих ранних работах. Это различие заключается в том, что в ранних работах имеется в виду *целостная* “закрытая” система такого типа, при котором все элементы определены их отношениями друг к другу, отношения определяют характер системы, а система – связь отношений. В поздних же трудах осуществляется определение качества некоторой специфической области действительности – психического – через его отношения с *другими системами*, путем включения в них, причем, имеется в виду ряд *различных систем*. Такой способ определения психического связан с его *полисистемностью, многокачественностью*, в отличие от тех систем (физики, геометрии), которые Рубинштейн рассматривал в своих первых работах как целостные, “закрытые”, а отношения в них – имплицитно предполагающие друг друга.

И хотя понимание систем в обоих случаях *различно*, вопрос об их объективности ставится одинаково: ни в одном, ни в другом случае системы никак не связываются с изменением “точки зрения”, как считал Мах. Рубинштейн прямо пишет об этом еще в своих самых ранних работах, где пока речь шла о *методологии* познания до разработки им онтологического подхода к объекту, предмету познания.

Отличие его понимания от махистского важно подчеркнуть в связи с вышедшей в конце 60-х гг. прошлого века в Голландии монографии Пейна, посвященной Рубинштейну и философскому обоснованию советской психологии [48]. Оценив в целом концепцию психического, представленную в “Бытии и сознании” как глубоко диалектическую, а саму книгу как лучшую по психологической теории, написанную и опубликованную в Советском Союзе, он в тоже время назвал предложенный Рубинштейном метод определения разных качеств психического через *разные системы связей и отношений* аналогичным махистскому [там же].

Онтологический подход, реализованный Рубинштейном в поздних трудах, получивших широкое признание, не позволяет сводить ни совокупность закрытых систем, ни открытых систем отношений к простой “смене точек зрения”, т.е. субъективным взглядам на них. Можно отметить, что именно в них (поскольку теория действительности, онтология еще не были разработаны), в решении проблем методологии научного познания он нашел *такое определение ее объективности*, которое связал со способом *конструирования* знаний в особом типе “закрытые системы”.

В 20-х гг. Рубинштейн определяет науку как *конструктивное* познание. Эту конструктивность он рассматривает в контексте *различия деятельности* познания по конструированию систем и *субъекта* этого конструирования, с одной стороны, а с другой – соотношения наглядного эмпирического материала, от которого познание отправляется, и объяснения действительности в ее многообразии в итоге познания. При каких же условиях достигается объективность этого конструирования? Таковыми на том этапе Рубинштейн считает “обобщение основных моментов”, определяющих тенденции современной ему физики и математики. Важно отметить, что обобщение конкретных систем различных наук в качестве принципа конструирования как методологии познания в науке, он осуществляет, в основном, с опорой на точные науки, одновременно обращаясь к социальным, а уже позднее – к психологии [21, 23].

Рубинштейн ставит проблему знания и реальности, которая, видимо, им еще не решена, обобщая ее лишь в рамках соотношения конкретных и абстрактных *категорий*. Дается критика Маха и Авенариуса за отрицание конструктивности знания, сводимой к чистому описанию. Его постановка проблемы включает как *начало* познавательного процесса, так и *результат* – применимость знаний к реальности, к ее объяснению. Рубинштейн задается вопросом, как может

быть охвачено все *многообразие* реальности в абстрактных категориях в *начале* познания и как могут быть применены они к действительности в *результате* познания, если они не воплотили и не объяснили всего этого многообразия. Ответ на него – пока – он дает, отдавая предпочтение конкретным категориям по отношению к абстрактным.

Ученый предполагает разработать *классификацию* наук, вычленив логическую структуру математики (связи идей Гаусса, Бейля), физики, и особенно механики и электродинамики (Эйнштейн, Бейль), показать отличие структуры новой физики от физики ньютоновской. Хотя речь идет о методологии точного научного знания, Рубинштейн формируется здесь и как методолог *всех* – гуманитарных и точных. Поэтому спустя десятилетие, в начале тридцатых годов, он смог решить сложнейшие проблемы методологии психологии, сумев раскрыть логику ее развития и противоречия.

Рубинштейн отмечает глубокую революцию, которую переживает современное естествознание и подчеркивает, что значение круга работ Эйнштейна не ограничивается сферой специальных вопросов, а затрагивает самые основы современного знания. Под логикой *знания* он и понимает *методологию* науки, проблемы логики науки не как абстрактные инварианты, а в зависимости от развития конкретно-научного содержания, от новых исследований и открытий в науке. Но в целом, в его концепции намечается *продуктивное противоречие*, состоящее в том, что, с одной стороны, конструируемая система внутренне “замкнута” своей совокупностью отношений, с другой – она должна иметь “выход” к действительности, *возврат к реальности*. Именно здесь мы находим исток, исходный пункт его обращения к созданию своей онтологической системы – *учения о действительности*.

Эта работа является исходным пунктом развития *второго*, собственно философского, направления концепции Рубинштейна. Его первоначальное мнение, что для преодоления субъективизма познания сам субъект должен быть эминирован, парадоксальным ходом мысли преобразуется в утверждение *включенности субъекта* в бытие. Преодоление субъективности, препятствующей достижению объективности познания, осуществляется путем доказательства *объективности самого субъекта*. Здесь мы видим радикальное изменение хода мысли и позиции ученого.

Но *доказательство* такого преобразования проблем осуществляется гораздо позднее. Пока

же, можно сделать вывод, что из этой программной во всех отношениях небольшой работы вырастут *два направления* – онтология (учение о бытии) и определение *объективности* субъекта как достигающего познания при условии его *включенности* в бытие. Нам открывается, таким образом, диалектическая анатомия, все повороты мысли Рубинштейна, процесс движения к концептуальности и непротиворечивости его системы. Идея Рубинштейна о *закрытости* систем в науке, вынужденного первоначально согласиться с необходимостью эминировать субъекта из познавательного процесса как препятствующего его объективности (объективность якобы достигается “прегнантностью” отношений *внутри* системы), еще не соотнесена с разработанной ранее в “Философских рукописях” (тетрадах) [1, 19, 24], но в совершенно другом контексте проблемой субъекта.

Итак, на том первом историческом этапе обнаруживаются два смысловых философских узла. Первый из них связан с *методологией* науки и наук. Здесь субъект *пока* эминирован из процесса познания как, якобы, источник субъективизма. *Второй* – это философско-антропологическая концепция субъекта как субъекта *деятельности*, *этического* отношения к другому человеку. Субъект в ней еще не охарактеризован как *субъект познания*, поскольку последнее, казалось бы, *исчерпывающе на том этапе* объяснено *конструктивизмом* методологии, создающей “закрытые” системы в науке.

В центре идей С.Л. Рубинштейна 20-х гг. наряду с проблемой *методологии* точных и гуманитарных (социальных) наук стояла и проблема субъекта как собственно философская; к проблемам психологии он обращается с позиций методологических и философских для выявления объективно присущих им тенденций развития *знания*.

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В РАННИХ РАБОТАХ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

“Принцип творческой самодеятельности” (1922 г.) – статья, в которой С.Л. Рубинштейн разрабатывает категорию субъекта уже в *философско-психологическом* плане. По словам автора, она является лишь частью одной из глав книги, которую ни в тот момент, ни позже не было возможности опубликовать [25]⁴. Эта статья явля-

⁴ Рубинштейн писал: «Размышления об объективности, приводимые в этой небольшой, случайного происхождения, статье, заимствованы мной из главы II “Идея знания” моей работы. Заимствования эти представляют из себя краткие,

ется связующим звеном философских, психологических и педагогических идей Рубинштейна и мостом к собственно психологическому периоду 30-х гг. Подзаголовок “К философским основам современной педагогики” имел, как очевидно, целью интеграцию философских, психологических и педагогических проблем. Статья опубликована в связи с задачами реорганизации высшей школы на Украине, которой практически занимался Рубинштейн, и начинается постановкой и обсуждением собственно педагогических проблем – проблем учения. “Учение мыслится как *совместное* исследование, – пишет Рубинштейн, – вместо догматического сообщения и догматической рецепции готовых результатов – *совместное* прохождение того пути открытия и исследования, который к ним приводит” [25, с. 148]. Не трудно увидеть здесь ту же мысль, которую высказал он в своей статье о г. Когене и его искусстве осуществления процессов *совместного* мышления слушателей, а также о прохождении совместно с изучаемым автором всего его хода мысли. И на этой основе формулируется принцип творческой самостоятельности как активности субъекта: “Система, в основу которой было положено пассивное восприятие готовых результатов, копирование данных образов – одна лишь бездеятельная и бесплодная рецептивность, должна быть заменена системой, основа и цель которой – развитие творческой самостоятельности” [там же]. И далее: “...на основе творческой самостоятельности субъекта стремится современная педагогика построить процесс и всю систему образования” [там же].

Обобщая, он утверждает, что человек – не только объект воспитания, но и субъект, у которого происходит внутренняя работа над тем, что он воспринимает. И это дает возможность самостоятельности.

В данной статье С.Л. Рубинштейн намечает ту идею активности субъекта, которую он выскажет впоследствии в работах пятидесятых годов, где подчеркнута роль внутренних условий, преломляющих внешние воздействия. В книге “Принципы и пути развития психологии” 1959 г. в статье “Принцип детерминизма и проблема личности”, часть которой посвящена проблемам воспитания и имеет подзаголовок “Проблемы воспитания”, Рубинштейн пишет о том, что при воспитании к человеку предъявляются моральные требования, но: “не достаточно даже, хотя и необходимо, до-

бываться, чтобы они не нарушались, чтобы они внешне соблюдались, формально выполнялись. Это может быть иногда сделано и в порядке чисто внешнего приспособленчества. Надо, чтобы они были внутренне приняты – так, чтобы поведение, не только внешне, формально, но и по самому существу – вытекало из собственных побуждений человека” [25, с. 142]. Так, Рубинштейн, во-первых, выступает против отрыва от личности ее деяний и действий. Во-вторых, считает, что видеть в деяниях только проявления субъекта, отрицать обратное воздействие их на него – “значит разрушать единство личности... Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самостоятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них *создается* и *определяется*” [там же].

В данной философско-психологической работе еще не идет речь о соотношении сознания и деятельности, но ставится вопрос о субъекте и его деятельности, о личности и ее проявлениях в действиях. Однако уже в этой ранней работе это соотношение рассматривается как *развитие*. Таким образом, можно говорить, что идея субъекта, которую выдвинул Рубинштейн в данной статье, включала и объединяла идею и его развития (через деятельность), и его активности (принцип творческой самостоятельности). Здесь в *единстве* представлены *проблемы: субъекта деятельности, развития, личности и детерминизма* – все те идеи, которые в будущем Рубинштейн разовьет как *отдельные звенья своей целостной и одновременно разветвленной концепции*.

Принцип единства сознания и деятельности, который Рубинштейн разрабатывает в 1934 г. в статье о значении идей Карла Маркса для психологии, подчеркивает двоякую зависимость: сознание, а, следовательно, и личность, которым она обладает, не только проявляется в деятельности, но в деятельности же и формируется [29]. Зависимость двоякая, диалектическая – сознание определяет действия человека, но в его же деятельности и формируется.

Важным является и то, что принцип единства сознания и деятельности, который позже вошел в психологию как ее основополагающий методологический принцип, здесь выступает как более общий философский принцип субъекта и субъекта деятельности. Рубинштейн вырабатывает объективное, диалектико-материалистическое понимание субъекта в противоположность Гегелю, с одной, и Гуссерлю, с другой стороны.

Идея субъекта в статье “Принцип творческой самостоятельности” – непосредственный источник и

но местами текстуальные выдержки. Я поэтому считаю нужным это здесь оговорить, хотя и не знаю, когда мне представится возможность эту работу напечатать» [25, с. 154].

основа принципа единства сознания и деятельности. Важно отметить, что последний, хотя и выступал в начале в несколько абстрактной формулировке, позволил осуществить ту конкретизацию, которой отдавал предпочтение Рубинштейн в работе “Наука и действительность”. Он в имплицитном виде содержал ту систему отношений, которую имел в виду Рубинштейн, как определяющую ее целостность – сознания относительно личности, субъекта, последнего – относительно к его деятельности, деятельности – относительно действительности, а результатов ее изменения как результатов деяний субъекта и его развития – по принципу “обратной связи” (как он был назван впоследствии А.В. Брушлинским) – относительно к субъекту как условие его развития. Эта система – по своей сути конституирована как закрытая, но значительно расширенная совокупность отношений, которую Рубинштейн рассматривал в “Науке и действительности”.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РАБОТАХ Н.Н. ЛАНГЕ И Э. ШПРАНГЕРА

Рубинштейн анализирует работы Н.Н. Ланге: “Психологические исследования”, в которой изложена теория перцепции, и “Теория волевого внимания”, содержащую концепцию воли в пределах ее роли в перцепции. В теории перцепции Ланге Рубинштейн вскрывает, при всей ее ярко выраженной эмпиричности, сходство с гегелевской схемой саморазвития понятия. Формулируя свой “закон перцепции”, Ланге считает, что она проходит через несколько стадий и “всякая предыдущая стадия имеет содержание более абстрактное, менее дифференцированное, последующая – более дифференцированное, конкретное” [26, с. 453]. Иными словами, абстрактное является, как и у Гегеля, первичным по отношению к конкретному. Здесь же Рубинштейн останавливается на трактовке Ланге *отношений*, которые, как он отмечает в своей статье “Наука и действительность”, являются конституирующими сущность системы.

В работе Ланге, посвященной моторному вниманию, Рубинштейн критически отмечает, что внимание и его моторное обеспечение, согласно Ланге, фактически превращают предмет в “восприятие реакций организма, служащих для улучшения восприятия и их эффектов” [там же, с. 455], что и приводит к растворению психологии в физиологии. Здесь он также обращается к позитивным тенденциям новейшей психологии – в данном случае – гештальтпсихологии, которая

позволяет нивелировать связанный с эмпиризмом крен в физиологию и обратиться к связи с философией. И формулирует задачу будущей психологии как определение всех актов сознания и взаимоотношений содержаний сознания между собой в зависимости от форм *отношений к предмету*. Подводя итоги, Рубинштейн высказывает буквально ту же самую мысль, которая была в проспекте книги “Наука и действительность”, что после усиленной связи с физиологией, психология в новой форме восстанавливает свою связь с философией. В этой психологической статье Рубинштейн сравнивает концепцию Ланге с другими направлениями психологии, связывающими психологию с философией, а не с физиологией.

Важно, что его самого интересует психология отношений. Мы можем констатировать *отличие* идей данной статьи от постановки проблемы в статье “Наука и действительность”: если там отношения конституировали систему *вне* отношения к предмету и объекту, то здесь речь идет о взаимоотношениях актов сознания, определяющих или взаимно связанных с отношениями к предмету, т.е. действительности. Такое различие трактовки отношений при сходстве самих схем объясняется, вероятно, и тем, что в первом случае речь идет о схеме методологии познания, а во втором – о модели самого психического. Заклучая, важно подчеркнуть, что и сходство, и различие схем свидетельствуют о диалектичности рубинштейновского мышления в трактовке самих проблем и способности включать их в самые различные философские и психологические контексты.

* * *

В число *психологических* работ одесского периода входит статья “Психология Шпрангера как наука о духе”, составлявшая 19 машинописных страниц текста, написанная не ранее 1924 г. (этот факт доказывается тем, что в статье особо отмечается статья Шпрангера “Психология юношеского возраста”, опубликованная в этом году) [28].

Как известно, Эдуард Шпрангер – немецкий философ, психолог и педагог. Его основные идеи сложились в русле концепции Дильтея, философии жизни в целом, а также учения о ценностях Риккерта. В своей статье Рубинштейн выстраивает сложную систему координат для определения места Шпрангера в философии, культурологии и психологии начала XX века. Очень детально рассматривается связь концепции Шпрангера с Дильтеем. Эти работы представляли собой совершенно особое, прежде всего методологическое *направление* в психологии, которое явилось круп-

ной вехой в изменении способов психологического познания.

Шпрангер поддерживает дильтеевскую идею специфики психологического познания, раскрывая, однако, его основной метод не как переживание, а как “понимание”. Независимо от различий в трактовке этого метода, их характеристики становятся принципиально *новыми* трактовками методологии психологического познания и знания. Они несут в себе новый принцип включения познающего в познаваемое им явление. Будучи увлечен проблемой соотношения целого и части в познании, Рубинштейн отмечает критику Дильтеем принципа ассоциативной психологии, заключающегося в разложении целого на части и сведении психологических законов к закономерностям физиологическим. Он поддерживает идею Дильтея о целостности душевной жизни, в которой укоренено каждое единичное явление.

Позитивно оценивается Рубинштейном и стремление Дильтея изучать душевную жизнь в ее развитии, дифференцируя ее индивидуально-типологические различия. Однако при этом критикуется сама трактовка развития Дильтеем, который ошибочно предлагает разложить его целостность на абстрактные единицы и изучать неизменные связи между неизменными элементами.

Очень существенно сравнение Рубинштейном принципов дильтеевской и фрейдовской познавательных установок. Дильтея, также как и Фрейд, хочет познавать личность в ее глубинах, но первый – видит их в самых высших объективированных проявлениях, тогда как второй – в ее примитивных влечениях.

В целом Рубинштейн критически оценивает концепцию Дильтея как “квазиисторическую”, поскольку тот рассматривает мировоззрение в отрыве от реальных исторических условий “реальных общественных основ исторического процесса” [28, с. 173]. Кроме того, примат мировоззрения, из которого исходит Дильтея, фактически означает психологизацию идеологии – идеологию как отправной пункт познания психики. Важно отметить, что эти оценки, обращенные к Дильтею, оказались в устах С.Л. Рубинштейна пророческими для следующего исторического периода – советского общества и его психологии.

Сравнивая далее психологию Дильтея и Шпрангера, который оказался под сильным влиянием первого, Рубинштейн видит отличие их концепций в том, что для Шпрангера психология является “понимающей”, а не описательной, что составляет глубокое принципиальное различие.

Шпрангер считает, что дильтеевское переживание – в отличие от понимания, не позволяет раскрыть *смысл*, который в качестве конструктивного члена включается в ценностное целое.

Смысловые связи представляются выходом познания в объективность из плена субъективности переживаний. Рубинштейн оценивает это положение как принципиально новое интересное определение предмета психологии. Однако дальнейший ход мысли Шпрангера, представившего объективность как мир тел и мир ценностей и культуры, Рубинштейн рассматривает как проявление идеалистического отрыва самодовлеющего мира значений от природы, смысловых связей – от реального психофизического субъекта.

Рубинштейн раскрывает псевдоисторичность воззрения Шпрангера на развитие объективного духа, так как тот ограничивается проекцией на историю извечных человеческих ценностей. Последние – не развиваются.

Он критикует Шпрангера за предопределенность направленности развития, у которого оно всегда константно, так как предопределен его субъект. Рубинштейн находит корни такой трактовки в аристотелевском понятии развития как становления тем, чем нечто по существу *с самого начала и было*.

В свете того, что индивидуальность не может быть предметом науки, Шпрангер вводит понятие *типа*, как промежуточного между понятием и наглядностью. Рубинштейн подробно рассматривает шпрангеровскую типологию, типобразующим основанием которой становятся области человеческой культуры, а развитие типов оказывается возрождением исторического *прошлого*, несмотря на декларацию чрезвычайной *изменчивости* типов.

В рубинштейновском критическом анализе идей возрастной психологии Шпрангера, которые он развивает, исходя из принципов своей общей концепции, нетрудно увидеть непосредственную связь с его отношением к культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Уже в те годы он раскрыл неадекватность определения развития ребенка только через культуру, вращая в которую он формируется, понимания Шпрангером историчности онтогенетического развития как функции возраста. В “Психологии юношества” Шпрангера разоблачается ее националистический характер.

Чрезвычайно важно сравнение Рубинштейном (уже в те годы) шпрангеровской концепции с марксовой, к которой Шпрангер как будто бы вплотную подошел. Рубинштейн цитирует поло-

жение Маркса о необходимости опредмечивания человеческой сущности как в теоретическом, так и в практическом отношении, чтобы как очеловечить чувства человека, так и создать соответствующий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы. Но эта идея Маркса в трактовке Шпрангера превратилась в безжизненную схему. Он оторвал, по словам Рубинштейна, 1) идейное содержание исторической культуры от реальных общественных основ исторического процесса; 2) смысловое духовное содержание индивидуального сознания от реального психофизического субъекта.

Эти критические суждения Рубинштейн содержит его собственное понимание проблемы: “Для того чтобы понять активную роль субъекта в историческом созидании культуры, нужно было сохранить конкретного реального субъекта из плоти и крови, у которого осмысленность соотношений с культурой была бы не противопоставлена (курсив мой. – А.С.) его реальному бытию и деятельности, а включена в них: для того, чтобы подлинно реализовать ту мысль, что сознание индивидуума определяется объективным содержанием культуры, нужно было бы не превращать это последнее в метафизическую абстракцию, а понять его как исторический продукт реального общественного развития” [там же, с. 173].

Рубинштейн отмечает справедливость положения Шпрангера, что психическое развитие нужно понять из выходящих за пределы индивидуального сознания, в нем сплошь и рядом адекватно не отраженных объективных отношений, его обуславливающих. Однако Рубинштейн подчеркивает, что “это – реальные отношения, в которые включена реальная личность; они реализуются в поведении, в конкретной деятельности человека” [там же], тогда как у Шпрангера “отношения вообще выпадают из сферы реальности в фиктивную область метафизики” [там же].

И, заключая, Рубинштейн, как всегда диалектически, утверждает, что Шпрангером поставлена существенная проблема, но ее объективное содержание далеко выходит за рамки его концепции и для своего разрешения “требует иных методологических средств” [там же].

* * *

Определяя смысловое место статей “Принцип творческой самодеятельности”, о концепции Н.Н. Ланге и Э. Шпрангера относительно всех работ этого периода, нужно отметить, что:

1. Тремя статьями рассматриваемого периода Рубинштейн объединяет три разные направления

в главном смысловом центре – проблеме субъекта, его взаимодействия с миром, деятельности и развития как в последней, так и выходящих за пределы его сознания сферах культуры, в которые он опять-таки включается объективными отношениями и реализуется в поведении и деятельности.

2. Концепцию Э. Шпрангера Рубинштейн рассматривает как продолжение дильтеевского направления в психологии, которое сформулировало новый принцип психологического познания, новое определение предмета психологии. По своему содержанию, хотя и относясь к проблемам психологии, статья о нем выходит за пределы той ее области, в которой изучаются так называемые психические функции – восприятие, память, эмоции, мышления (ставшие частично предметом исследований Н.Н. Ланге). Она касается другого масштаба психологической проблематики, который на современном языке может быть назван собственно личностным, причем личностным не с точки зрения ее структурной организации, а развития ее сознания, соотносительно с культурой, с ее областями и формами. Обращение к концепции Шпрангера – радикальный шаг самого Рубинштейна, в котором видна его интенция к расширению проблемного пространства психологии в направлении сближения с философией – с проблемой субъекта.

3. Однако Рубинштейн не только очерчивает круг психологических проблем, не решенных, но поставленных отечественной и зарубежной психологией того периода, которые требуют будущих решений. Он формулирует и имплицитные и эксплицитные методологические принципы их решения. В статье “Принцип творческой самодеятельности” Рубинштейн эксплицирует философскую категорию субъекта [1]. Статья о Шпрангере – в своей основной части – является образцом имплицитной методологии. Излагая каждое его положение, он без длительного позитивного раскрытия темы сразу же прицельно четко, кратко и емко формулирует, в чем ограниченность, ложность данной постановки той или иной проблемы. Очевидно, что для такой интерпретации он уже должен был знать “ответ”, т.е. ее продуктивную конструктивную постановку. Лишь в конце статьи, как было отмечено, он формулирует эксплицитное методологическое положение о субъекте в его соотношении с миром, его творческой самодеятельности, самодвижении и развитии в деятельности. Это положение стало непосредственной основой принципа единства сознания и деятельности.

ИНТЕГРАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВА ИДЕЙ С.Л. РУБИНШТЕЙНА ОДЕССКОГО ПЕРИОДА

Итак, статьи 10–20-х гг. могут быть подразделены на три взаимосвязанные класса:

1. Содержащие осмысление *методологии науки* как методологии *ряда наук* путем обобщения достижений точных наук (физики, геометрии и т.д.) и сравнения последних с социальными науками (в основном – концепцией Маркса). В этой группе статей рассматривается “технология” методологии – способ конструирования научных систем через раскрытие специфических для них отношений. Этот класс статей посвящен *эксплицитной* методологии *научного познания*. Здесь Рубинштейн рассматривает не чисто познавательную, гносеологическую проблематику (которой посвящен первый раздел его последней книги “Человек и мир”), а проблематику *методологии научного познания*. И эти – совсем ранние – разработки задают новые проблемы в современных условиях дискредитации методологии.

2. Содержащие конкретно-методологический анализ философских (Г. Коген) и психологических концепций (Н.Н. Ланге, Э. Шпрангер), в которых методология присутствует *имплицитно* как способ преодоления неадекватных решений на основе уже сформировавшихся у автора конструктивных, позитивных.

3. Концепция субъекта, еще не включающая *гносеологического* отношения – субъекта *познания*. Сам субъект определен *онтологически* – пока в качестве субъекта деятельности и этико-эстетического отношения к действительности. Еще отсутствует онтологическая концепция бытия в целом и субъекта, включенного в это бытие, тем самым обретающего полноту своей объективности. Однако эта концепция субъекта самостоятельности и имплицитно (в 30–40-х гг.) и эксплицитно (в 50-х) стала системообразующим ядром всего творчества Рубинштейна.

Первые два класса статей можно условно обозначить как *начало разработки предмета и метода (методологии) психологии* (иногда соотносительно, иногда безотносительно к методологии других – точных наук). Сквозной для них является идея *самодетельного субъекта* в его соотношении с миром, а также идея конституирования целого системой отношений элементов и связывающих их отношений в целое.

Понятно и объяснимо исторически, что на том – раннем – этапе Рубинштейн, *идя от самых разных*

направлений, разрабатывал круг соответствующих идей, еще не мог сомкнуть их в ту всеобъемлющую и внутренне непротиворечивую целостность, которая была достигнута в “Человеке и мире”.

Последний класс – проблема субъекта в трудах этого периода предстает в *двух качествах*. *Первое* – раскрытие сущности субъекта через *систему отношений к миру*. *Второе* – среди них преобладают: *активное, деятельное* отношение (против “пассивизма”, как выражается С.Л. Рубинштейн [24]), и столь же активное – этическое отношение к другому человеку, “соучастие” в развитии его сущности (можно предполагать, что эта проблема была позитивным решением когеновской концепции этического социализма) [там же]. Совокупность рассматриваемых отношений “субъект–деятельность–этическое–развитие” *образует ту целостную систему*, которая моделировалась в работах по методологии науки 20-х гг.

Эти же статьи позволяют не путем установления тождества (или сходства) с “Человеком и миром” понять внутреннюю логику последней работы. Во “Введении” дается вся новая модель построения онтологии как Мира, *включающего* человека, обретающего право на свое бытие субъекта, а последний характеризуется *не двумя* – деятельным и этическим, но *тремя* отношениями к миру, и первым в их числе – отсутствующим в ранних трудах – познавательным отношением. А сама монография начинается именно с него, восполняя до триады два других отношения – деятельностное и этическое, – раскрытые в ранних философских тетрадах. Затем следует построение *самой онтологии*, т.е. той концепции *действительности*, к которой еще не удавалось подступить ни в ранних, ни в более поздних трудах, и, наконец, во второй части монографии воссоздается сам субъект во всей совокупности своих отношений с бытием. И если в ранних трудах Рубинштейн в качестве критерия науки выдвигал методологические требования, что отношения должны имплицитировать друг друга, то здесь эта имплицитность реализуется прослеживанием внутренних связей между познанием и этическим – “мужество познания”, “борьба за истину”, познанием и деятельностью, деятельностью и этическим отношением к другому человеку. В 30–50-х гг. субъект, как отмечалось [1], уходит на задний план, присутствует как *имплицитный* методологический принцип. В связи с чем для нас и важно различие эксплицитной и имплицитной методологии. Последняя представляет собой внутренний, не объясняемый, не декларируемый содержательный стержень и

направленность разработки идей и осуществляющихся исследований.

Таким образом, внутренняя связь статей 10–20-х гг. выступает как условие и своеобразный “трамплин” перехода к конкретизации заключенных в них их идей на *следующем этапе* рубинштейновского творчества.

Если в 10–20-е гг. Рубинштейн осмысляет *операциональные* возможности методологии, исходя из проблем физики, геометрии, социологии, то в 30–40-е он выстраивает содержательную систему проблем и предмета *психологии*, методологически опираясь на созданный на этой основе содержательный принцип единства сознания и деятельности (и эксплицитно и имплицитно).

30–40-е гг. проникнуты методологическим стремлением построения психологии как *системы*, с одной стороны, и стремлением к ее *онтологизации преимущественно через деятельность*, с другой. Субъект, как неоднократно отмечалось учениками С.Л. Рубинштейна, остается *имплицитным* принципом психологии, присутствует в ее построении подспудно [3]. *Во-первых*, этот период свидетельствует о *непрерывности* концептуального движения Рубинштейна от проблематики марбургской школы – поиска единого для гуманитарных и точных наук *метода* – к самостоятельной позитивной разработке проблем *методологии* психологии (и других наук) в ее имплицитном и эксплицитном содержании и оригинальной концепции субъекта. *Во-вторых*, более доскональное сравнение идей этого периода с последней философской работой С.Л. Рубинштейна “Человек и мир” позволяет увидеть их *преемственность* и одновременно – *отсутствие* концептуального *тождества*.

Переход от 40-х к 50-м гг. сопровождается радикальным поворотом в способе построения системы психологической науки. Если на протяжении 40-х гг. при раскрытии содержания и функций психических явлений, психология преимущественно рассматривалась как *самодостаточная* система, причем, именно *система определенной науки*, то в 50-х внимание Рубинштейна сосредоточивается не с только на конкретике и *внутренних взаимосвязях* психического, сколько на вопросе, поставленном в подзаголовке “Бытия и сознания” – о месте психического *в мире*. После определений всех психических процессов, функций и образований концепция как будто сужается на проблеме самого психического как объекта и предмета психологии – оно определяется как *внутреннее*, но не *через раскрытие своих внутренних связей* (как в ранних работах), образующих единое целое, а

как *внутреннее* по отношению к *самому внешнему миру*. Превращение отношений из внутренне имплицитных друг друга, при введении характеристики психического как *внутреннего*, т.е. онтологически специфического, в определение его отношений к *внешнему* и взаимоотношений с внешним – очень значительный методологический *переворот* в целостной концепции Рубинштейна, который только и открывается ключом ранних работ.

Идея субъекта является *генеральной* линией поступательного движения мысли Рубинштейна от ее философской разработки в рукописях 10–20-х гг. к философско-психолого-педагогической в “Принципе творческой самодеятельности” и к философско-антропологической онтологической концепции субъекта в “Человеке и мире” [36].

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Г. КОГЕНА И Н.Н. ЛАНГЕ В КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТА С.Л. РУБИНШТЕЙНА 10–20-х гг.

В статьях 10–20-х гг. субъект “прорисован” и личностно-психологически, а не только абстрактно философски. Здесь соединены и личность Творца, и масштаб ее деяний, соотносительно со всей жизнью, и личность Учителя, способного своей увлеченностью наукой, минуя приемы традиционной педагогики, разбудить и направить мысль и чувства своих слушателей на постижение высоких сущностей и личность Человека, не принимающего жизнь и науку как данность, требующего от них *доказательства* своей сущности в силу собственной способности постичь ее и изменить, превратить данность в *лучшее*. Речь идет о двух блестящих психологических портретах тех двух личностей, которым не в стиле ученичества, но с глубоким чувством уважения отдал дань Сергей Леонидович Рубинштейн.

В первом портрете Николая Николаевича Ланге в некрологе на его смерть координатами субъекта являются личность творца в отношении с его произведениями и его жизнью. “Среди людей, которые не только живут, изживая себя в процессе жизни, но и творят, воплощая и объективируя себя в каком-либо произведении, немногим удается установить такую счастливую гармонию между своим произведением и собственной личностью, чтобы можно было по уровню и масштабам творения составить безошибочное представление о значительности и истинных масштабах личности их творца, – пишет Рубинштейн. Бывают люди, – продолжает он, – внесшие значительный вклад в науку или какую-либо другую область духовного

творчества, в жизни которых их произведения были высочайшими вершинами, на которые сами они поднимались лишь в редкие минуты наибольшего напряжения всех своих творческих сил; вся остальная их жизнь, в которой и складывалась и проявлялась их личность, протекла на значительно более низком уровне. В свое произведение они вложили все, что было в них значительного, подходя к ним, сразу чувствуешь, что в них творение исчерпало творца. Но встречаются и другие – люди, в которых всегда чувствуется какая-то не сполна еще реализованная возможность, какая-то сила, которая не исчерпала себя в действии, и которой не измеришь произведенной ей работой” [37, с. 452].

Множество линий и планов заложено в этом, занимающем едва половину страницы портрете Николая Николаевича Ланге: и обобщение личности ученого, творца, масштаб личности и произведения которого соотносены с “вершинами” жизни. Можно полагать, что этот портрет наводит на раздумья и современную психологию, и акмеологию. В нем – квинтэссенция проблем личности и субъекта, неисчерпаемого в своих творениях.

Столь же краткий и емкий портрет несколькими годами позже дает Рубинштейн и личности Г. Когена. Субъект, творец здесь предстает как непосредственный выразитель своей мысли не в произведениях, не в текстах, а в содружестве – в *совместном* интеллектуальном поиске истины со своими учениками.

Другими словами, но почти буквально повторяется мысль о соотношении произведения и его творца, что и в некрологе Н.Н. Ланге. “Всякая творческая работа, в особенности когда она, как в философии, захватывает самые глубокие проблемы бытия, – пишет С.Л. Рубинштейн, – и самые основные интересы личности, стремится поглотить в себе и исчерпать все личное в человеке. Нужна была индивидуальность большой силы, чтобы при той огромной творческой работе, которую совершил Г. Коген, сохранить такую импульсивность и такой живой и непосредственный интерес ко всякой другой личности” [37, с. 449]. Трудно найти столь поэтический язык, чтобы воспроизвести живое единство глубокой мысли, страстной и одновременно сложной речи и фантастического влияния на слушателей монолога Когена, каким описывает его Рубинштейн. “И поэтому, даже когда они не вполне понимали, они переживали вместе с ним его мысль” [там же, с. 450]. И двумя штрихами очерченная его внешность, не менее отчетливо, чем его книги, говорила о том, что это был человек, не склонный признавать все данное

в силу одной лишь его *данности*, всегда готовый потребовать у всего, что ему *представлялось* как данное, чтобы оно *отдало отчет* в своем *праве* на бытие.

“И в этом человеке, – продолжает Рубинштейн, – столь далеко от того, чтобы признать разумность всего действительного, – подобно Гегелю (комментарий мой. – А.С.), – жил настоящий оптимизм. Не тот оптимизм настоящего, который всегда доволен всем, что есть продукт малодушия – внушения слабости, которая должна довольствоваться тем, что есть, потому что *не в ее силах создать что-либо лучшее* (курсив мой. – А.С.). И нет у нее мужества что-либо отвергнуть и осудить, а тот оптимизм будущего, неотлучный спутник всякой большой творческой силы, которая верит, что все будет хорошо, потому что *она сделает так, чтобы все стало хорошо*, верит, потому что по собственному творческому опыту знает, *сколь много еще лежит в сфере ее достижений*” [там же, с. 451].

И если в портрете Н.Н. Ланге “осью” личности явилась триада “творец – его жизнь – деяния” и неисчерпаемость в них его личности, то в портрете Германа Когена соединены его педагогический дар, интегрирующий мысль, речь и вольное и невольное вовлечение слушателей в живой процесс мышления, его личность бунтаря, не признающего лежащего на поверхности жизни, требующего от нее доказательства права на подлинность, и оптимиста, не извне видящего творческую, человеческую, жизненную силу, а знающего ее в себе, знающего за собой способность изменять жизнь к лучшему.

И трудно представить себе, что такой глубиной постижения человека-творца и такой способностью соединить и выразить все грани этого постижения – его устремлений, способностей состязаться с жизнью за лучшее в ней, оптимизма и неисчерпаемости в своих творениях – мог обладать 30–35-летний человек.

Под его пером рассыпалась вся схоластика, рациональная безжизненность философской мысли и эмпирика (эмпиризм) мысли психологической и воссоздавалась философски и психологически человечески осмысленная жизнь и творчески неисчерпаемая личность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ первого периода (10–20 гг.) творчества С.Л. Рубинштейна позволяет не только более чем на 15-летие удлинить его путь в философии

и науке. Этот анализ позволяет заглянуть в самую лабораторию создания его последующих отлитых в строгие законченные формы концепций. Он позволяет раскрыть весь комплекс философско-методолого-психологических проблем, которые ученый рассматривал не последовательно, а одновременно целостно, в единстве.

Этот анализ позволяет вскрыть парадокс, связанный с проблемой человека, субъекта, который заключался в ее доминировании в начале XX века, актуализации С.Л. Рубинштейном в его середине и реабилитации, медленно разворачивающейся во второй половине, к концу века и быстрее – после его смерти – в начале XXI века.

Исследование первого периода рубинштейновского творчества показывает, что оно обладает не только последовательностью во времени, но и центрацией, концентрированностью по содержанию (при всем многообразии охваченных им проблем) – направленностью на проблемы человека, личности, содействию развитию лучшего в ней и укреплению ее душевных и нравственных сил в борьбе за человечность ее жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 10–61.
2. *Абульханова К.А.* Из научного наследия С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. М., 1975. № 5.
3. *Абульханова К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.
4. *Ананьев Б.Г.* Бытие и сознание (о новой книге С.Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. 1959. № 1.
5. *Ананьев Б.Г.* Творческий путь С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1959. № 5.
6. *Брушлинский А.В.* Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 61–113.
7. *Брушлинский А.В.* Разработка принципа единства сознания и деятельности в экспериментальной психологии // Психол. журн. 1987. № 5.
8. *Будилова Е.А.* Методология, теория и эксперимент в научном творчестве С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1979. № 3.
9. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1982.
10. Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М.: ИП РАН, 1989.
11. *Каган М.С.* О труде С.Л. Рубинштейна “Человек и мир” и его месте в истории советской философии // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 220–238.
12. *Кольцова В.А.* Методолого-теоретические основания историко-психологического исследования. М.: ИП РАН, 2004.
13. *Кольцова В.А.* История психологии: проблемы методологии. М.: ИП РАН, 2008.
14. Сергей Леонидович Рубинштейн / Серия “Ученые СССР. Очерки, воспоминания, материалы”. М.: Наука. 1989.
15. *Славская А.Н.* К статье С.Л. Рубинштейна “Психология Шпрангера как наука о духе” // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М.–СПб.: Питер, 2003. С. 189–190.
16. *Славская А.Н.* Ранний период творчества С.Л. Рубинштейна // Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М.: ИП РАН, 1989. С. 49–65.
17. *Славская А.Н.* Методологические особенности интеграции психологической науки в творчестве С.Л. Рубинштейна // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. “Методологические проблемы историко-психологического исследования”. М.: ИП РАН, 2002. С. 122–133.
18. *Славская А.Н.* Полная библиография трудов С.Л. Рубинштейна // Рубинштейн сегодня. Новые лица в проблематике человеческой деятельности / Под ред. В.Н. Носуленко, П. Рабардель. Париж: Онтарес, Дом наук о Человеке, 2008. С. 285–296.
19. *Рубинштейн С.Л.* Рукопись (1913–1915 гг.) // ГБЛ, ф. 642, д. 19, 11, 2, 5.
20. *Рубинштейн С.Л.* Наука и действительность (1920 г.) // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 336–345.
21. *Рубинштейн С.Л.* Размышления о науке (1920) // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 332–335.
22. *Рубинштейн С.Л.* Заметки по методологии истории и общественных наук. (1915–1916) // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 335–336.
23. *Рубинштейн С.Л.* Программа по логике (1922) // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 344–345.
24. *Рубинштейн С.Л.* Философские рукописи (тетради 1915–1925) / Частный архив.
25. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Т. II. 1922. С. 148–154; Вопросы психологии. 1986. № 4.
26. *Рубинштейн С.Л.* Николай Николаевич Ланге // Народное просвещение. 1922. № 6–10; *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 176–180.
27. *Рубинштейн С.Л.* О философской системе Г. Когена // *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 135–160.

28. Рубинштейн С.Л. Психология Шпрангера как наука о духе // Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 161–174.
29. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 1; Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 19–46.
30. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М., 1935.
31. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
32. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940; 2-е изд. М., 1946.
33. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
34. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития советской психологии. М., 1959.
35. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Ч. II. “Человек и мир”. М.: Педагогика, 1973; 2-е изд., 1976.
36. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
37. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М.–СПб.: Питер, 2003.
38. Рубинштейн сегодня. Новые лица в проблематике человеческой деятельности / Под ред. В. Носуленко., П. Рабардель. Париж: Онтарес, Дом наук о человеке, 2008 (на франц. яз.).
39. Разработка философских вопросов логики и психологии // История философии в СССР. Т. 5. М., 1985.
40. Стенограмма заседаний, посвященных обсуждению книги С.Л. Рубинштейна “Основы общей психологии”. 1947 // ГБЛ ОР, ф. 642, д. 27, 28.
41. Теплов Б.М. Отзыв о работе С.Л. Рубинштейна: “Философские корни психологии и ее пути”. 1946 // ГБЛ. ОР, ф. 642, д. 28, 9.
42. Теплов Б.М. Об объективном методе в психологии // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45.
43. Ученые записки Ленинградского Гос. пед. института им. А.И. Герцена. Т. XVIII. Л., 1939.
44. Ученые записки Ленинградского Гос. пед. института им. А.И. Герцена. Т. XXXIV. Л., 1940.
45. Ученые записки Ленинградского Гос. пед. института им. А.И. Герцена. Т. XXXV. Л., 1941.
46. Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964.
47. Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд. М., 1985.
48. Paune N.R.S.L. Rubinstein and the philosophical foundation of Soviet psychology. Dordrecht: Holland, 1968.
49. Sergej Rubinstein. Eine Stude zum Problem der Methode. Marburg, 1914.

EARLY PERIOD IN S.L. RUBINSTEIN'S SCIENTIFIC WORK (METHODOLOGICAL, THEORETICAL AND BIOGRAPHICAL ANALYSIS)

A.N. Slavskaya

PhD, senior research assistant, Institute of Psychology, RAS, Moscow

Early period (10–20-th of the 20-th century) in S.L. Rubinstein's scientific work connected with his philosophical and psychological self-determination is analyzed, the role of this period for the development of scientist's activity at the following stages and for his conception forming is revealed. The results of source study work with S.L. Rubinstein's early articles and manuscripts are presented, the dates of their writing are determined, historical-and-theoretical and methodological analysis of their content is conducted. This allowed dating the beginning of S.L. Rubinstein's scientific activity decade earlier then it was considered in domestic historiography.

Key words: scientific work, ontological, gnoseological, methodological analysis, subject, personality, activity, development, scientific school, conception, humanitarian and natural-science knowledge.